

НИНА ДАШЕВСКАЯ

ЦИРКОВА

рисует
в СКЕТЧБУКЕ

Она
младшая
сестра

ТИМО-
ФЕЙ

пишет в БЛОКНОТ

У него
есть
младший
брат

Встречное движение

Нина Дашевская

Тимофей: блокнот. Ирка: скетчбук

«Самокат»

2020

Дашевская Н. С.

Тимофей: блокнот. Ирка: скетчбук / Н. С. Дашевская —
«Самокат», 2020 — (Встречное движение)

ISBN 978-5-00167-100-8

У Тимофея младший брат, а у Ирки старший. Тимофей пишет в блокноте, а Ирка рисует в скетчбуке. Они незнакомы, их истории – разные, но оба чувствуют себя одинаково одинокими в семье, где есть кто-то любящий и близкий. Нина Дашевская – лауреат конкурсов «Книгуру», «Новая детская книга» и премии им. Крапивина, музыкант и преподаватель. Её повести любят за тонкость чувств, нежную иронию и глубокое понимание психологии подростка.

ISBN 978-5-00167-100-8

© Дашевская Н. С., 2020

© Самокат, 2020

Содержание

Тимофей: блокнот	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Нина Дашевская
Тимофей: блокнот. Ирка: скетчбук

Косте и Тане

Тимофей: блокнот

Один человек жил на краю земли. Он жил совсем один в маленьком домике. Если выйти из домика – увидишь снежное поле, далеко-далеко, сколько хватает глаз. Из снега в некоторых местах торчат палки. Человек пытался выдернуть их – не получилось; видимо, они растут, держатся корнями далеко в глубине. Человек пытался раскопать снег до земли, но и этого не получилось: внизу снег оказался очень твёрдый.

Если же обойти домик – увидишь край земли. Человек иногда подходил к самому краю, где земля обрывается. Но там ничего не было. Он кидал снежные комки туда, в пустоту, и долго смотрел вниз. Ничего не происходило.

Тогда человек возвращался в свой домик пить чай. В доме было не очень тепло, но всё же лучше, чем на улице, и чаю сколько хочешь. Чай лежал в шкафу в чёрных брикетах, похожих на кирпичи. Не похоже, чтобы он когда-нибудь кончился. Человек не знал, кто положил его туда; не знал он, и кто построил дом, и почему он живёт здесь совершенно один.

Иногда он уходил в снежную равнину, подальше от края земли. Ему хотелось знать: есть там что-нибудь или нет. Но становилось невыносимо холодно, и он возвращался в свой дом.

«Надо бы сходить в город», – иногда думал он. Но что это за город, где он, и откуда вообще это слово у него в голове, он не знал.

* * *

Всё началось с того, что я остался совершенно один. Это случилось внезапно. Дело в том, что я никогда и нигде не был один: у нас дома одна комната с Захаром, и мой брат не умеет молчать. В школе – сами понимаете, индивидуальных классов не предусмотрено. Только по улице идёшь сам с собой.

А тут эта поездка.

Я хожу в секцию бадминтона, играю довольно средне. Но если кто заболит, освобождается место, и меня берут на выездные соревнования. У меня там нет друга, с которым всегда жить в гостинице: нас селят то с Кириллом, то с Крюком. А в этот раз получилось со Степановым.

Степанов всегда молчит, никогда не знаешь, что у него в голове. И очень упрямый. Идёт к цели, как танк. Мне немного не по себе с ним жить – лучше раздолбай Кирилл, конечно, с ним не скучно. Но с Крюком хуже всего. Крюк стоит перед зеркалом и отрабатывает удары, будто он чемпион, а я – ничтожество. Поэтому Степанов так Степанов, нормально.

Мне кажется, настоящий спортсмен именно он, а не Крюк. Потому что Степанов никого не строит из себя, он на самом деле такой. Танк.

...И тут после тренировки он говорит:

– Я ночевать в гостинице не буду.

– Как не будешь?

– Так. У меня тут брат живёт, к нему пойду.

– Какой ещё брат? – как-то странно, что у человека брат живёт в другом городе.

– Единокровный, – коротко объяснил Степанов. И добавил:

– Повезло тебе, Тимофей. Один будешь.

Один. Один. Я даже не поверил сначала.

Зашёл в номер. Огромный! Две кровати, белые простыни. Ванная и туалет! Ванная, в которую никого не нужно будет пропускать! Личные!!!

Невозможное везение.

Дома у нас так: я стараюсь встать раньше всех. Тогда можно на кухне немного посидеть одному в тишине, послушать, как чайник закипает. Но Захар не умеет утром спать, он тут же вскакивает. Вот зачем?!. Ему в садик можно к девяти, спал бы и спал себе! Нет же, он просыпается и начинает топтать ногами по полу – как слон, будто он тяжелее всех нас, вместе взятых. И ещё он сразу начинает говорить или петь. Тут уж, конечно, и мама встаёт или папа – как они договорятся, – и на кухне становится полно народу.

И потом уже надо будить Леську. Вот Леську пушками не добудишься! Десять минут её трясут, трясут, а потом ещё она ходит злая, что её так поздно разбудили и она опаздывает. И ещё она льёт воду в ванной! Стоит и спит там, а мне зубы только почистить, и всё!

...Выходить я тоже пытаюсь раньше, потому что в этом утреннем дурдоме находиться невозможно. И потом, если раньше выйти – в морозную снежную ночь, или в унылую грязную кашу под ногами, или (это значительно реже) в мокрое весеннее утро, – то успеешь дойти до школы пешком. А так – девять остановок на автобусе. В него ещё надо впихнуться, в этот автобус! Там все стоят, как тетрис, плотно утрамбованные. Иногда лучше опоздать и промочить ноги, чем туда.

– Я в автобус не влез, – объясняю я в школе.

– Как всегда, Тимофей!

Но ругают не очень. Все сами знают, как у нас с транспортом. А физик ещё говорит: «Локтями надо работать, Горелов! В жизни пригодится!»

Так вот, школа. Потом бадминтон. А уже обратно я еду на автобусе – вечером пусто, и я спокойно сажусь и играю там в телефон, целых девять остановок никто меня не дёргает.

Так вот, я остался один. Я же только об этом и думал, это была... Ну, мечта. Как, скажем, поехать в Италию какую-нибудь. Такая, несбыточная. И вдруг на тебе, получи – огромный номер, и ты в нём один.

Я завалился на кровать, не раздеваясь. И тут же отрубился, как будто меня выключили: ну конечно, ночь в автобусе, потом тренировка, ещё экскурсия... Я даже ужин проспал.

Проснулся от бурления в животе. Громко так. За окном темнота. И я, как король, один в целом номере. И что?..

Сразу дёрнул телефон – не включается, села батарейка. Я попрыгал немного на кровати, а потом всё же встал, нашёл зарядник. Во-первых, можно играть, сколько влезет. Во-вторых, душ! Никто меня не выгонит из душа, никто не будет стоять и канючить под дверью: «У тебя совесть есть, ты же не один!»

Один, один!

В общем, я и правда залез в душ. В прошлой жизни я был водоплавающим – обожаю воду. Но не переносю хлорку в нашем бассейне, её там ведрами сыпят. Летом на даче я живу в реке; а вот в городе бьюсь за каждую лишнюю минуту в душе.

Вода льётся по мне, стекает, смывает старое, я чувствую себя новым и совсем другим. Каким захочу!

Вышел и сразу к телефону – зарядился хоть чуть-чуть? Нет. Странно.

Мне вдруг стало не по себе. Ночь, зима, я совершенно один, и телефон не работает.

Я включил весь свет в номере, потом вытер голову вторым полотенцем. Тут есть фен, но мне кажется, это для девчонок. В общем, я всё же оделся и с мокрой головой пошёл в коридор. Там же есть люди? Или нет?

А вдруг я проспал несколько суток, все уехали и забыли про меня?!

Тишина. Чего там наши, не могут же спать ещё? Я не спросил, кто в каком номере: у меня же нет друзей. Гостиница большая, девять этажей. Не найдёшь. Я прислушался к соседям – тихо.

Мне стало сильно не по себе. Сейчас вот кто-то выйдет и спросит: мальчик, что ты тут делаешь?!. Фу, ну я и трус.

Вдруг мне навстречу метнулась чья-то тень. А, да это зеркало! Своей тени испугался, псих!

Я вдруг увидел в конце коридора кулер с водой и обрадовался. Не то чтобы очень хотелось пить, но есть оправдание: я вышел за водой, у меня дело!

Перед кем оправдание? Тим, ты что?!.

Когда я вернулся со стаканчиком к своему номеру, дверь была заперта. Ну конечно, я же ключ не взял! Я пнул эту дверь и сел на пол, внезапно ослабели колени. Так. Я же не дурак, я знаю: надо спуститься вниз и попросить другой ключ. Сказать: вышел за водой и... Почему я так боюсь всегда разговаривать с незнакомыми людьми? С продавцами, с охранниками, с этими девушками, которые ключи выдают...

Обозвал себя тряпкой, залпом выпил воду и пошёл за ключом.

Оказался наконец в своём номере (как в убежище!) – бросился к телефону. Не работает. Вот чёрт!

Я выключил свет и стал смотреть в окно. Просто – смотреть в окно. А что ещё делать? Что мне делать, до завтрака ещё семь часов, сна ни в одном глазу.

За окном снег и огни, огни. Дороги, дома, крыши в снегу. Светофоры переключаются с зелёного на красный одновременно – такой танец огней, и редкие машины едут: жёлтые фары навстречу и удаляющиеся красные огоньки. Красиво вообще.

Прямо посередине всего этого балета огней – большая зелёная вывеска, горят неоновые буквы: «ИЮЛЬ». Торговый центр. Тоже догадались назвать – не знали, что зима будет? Июль. А вокруг снег, снег и фонари, и чёрное небо. Нет, не чёрное, светло-фиолетовое – отражает свет города. Звёзд здесь не увидишь.

Так. Ну, посмотрел в окно. Можно, конечно, ещё в душ, можно даже ванну сделать, раз никого нет! Я дернул свой телефон в пятисотый раз и подумал – я такой зависимый, да? Раньше не знал. Что, мне одиночество нужно, чтобы играть в телефон? Только?!.

Даже книги бумажной не взял ни одной, только в телефоне есть...

«Обещаю, если он заработает – не буду играть, а только читать, только! Пожалуйста!» Чёрный экран, в нем отражается моё глупое лицо.

Я часто так обещаю неизвестно кому. Будто где-то сидит некий торговец и считает: если ты от чего-то откажешься сам, то он тебе выдаст что-то другое. Иногда работает, кстати. Но сейчас нет.

Я лёг на кровать и стал думать. Вот я, Тимофей. Получил одиночество в полном объёме. И не знаю, что с ним делать! Так-то играл бы в телефон... А без телефона я что? Кто?..

Загудели, заворчали водопроводные трубы. Я не сразу понял, что это, вздрогнул. Страшно как-то они гудят.

...А ведь ещё сегодня мы были на экскурсии в доме-музее писателя Мышевского, и нам рассказывали про его трудную жизнь. А я всё думал: четыре комнаты, и он в них один. Кухарка ему готовила. А он – вот, пожалуйста: вид на реку, пиши сколько хочешь, записывай, что у тебя в голове! Так бы и я смог, если бы не отвлекали, не дёргали каждую минуту!

Я резко сел на кровати. Смог бы? А кто сейчас мешает?

У меня нет телефона. Но у меня есть ручка, вот лежит, с логотипом отеля. Я искал бумагу – не нашёл, только рекламные листовки. На туалетной писать? Нет, она мягкая и рвётся под ручкой. Но у меня есть блокнот с шерстяной обложкой, я его купил Леське в подарок. Она любит такое – пишет всё время то «философские мысли», то сочиняет истории «про девочку и пони».

Ладно, потом ей другой куплю. Мне нужнее сейчас.

Открыл первую страницу.

Что писать?

«Я странный человек», – написал я. Зачеркнул. Ничего во мне нет такого уж странного, не заслужил. «Я неинтересный человек». Ну, что теперь.

Не смог бы я, даже если бы у меня были четыре комнаты, вид на реку, и кухарка, и посуду не мыть. Я только и умею, что играть в телефон.

...Я лежал на кровати и смотрел в потолок. Сна не было. Города с кровати не видно, только небо отсвечивает. Кажется, вокруг только и есть, что снег, снег. И посреди снега – наша гостиница, совершенно пустая. В ней занят один номер, и в нём лежу я. Единственный во всём мире и довольно бесполезный человек на краю земли.

«Один человек жил на краю земли», – вдруг подумал я. И дальше: «Он жил совсем один в маленьком домике». А потом тихо-тихо, чтобы не спугнуть, включил свет и открыл блокнот.

* * *

«Надо бы сходить в город», – иногда думал он. Но что это за город, где он, и откуда вообще это слово у него в голове, он не знал.

Человек иногда думал: что там, внизу? Бесконечную снежную равнину никак не пройти, а край земли рядом. Только один способ узнать, что там, за краем. Но к этому способу человек пока не готов. Потому что ему почему-то кажется: там нет никакого чая в брикетах. И дома. И даже снега. Возможно, там вообще ничего нет. А человеку не хочется менять свой чай, дом и снег на ничего.

Непонятно, откуда взялся этот текст в моей голове. Я будто видел картинку: снег, край земли и этот человек. В словах иногда возникали сомнения: «далеко-далеко, сколько хватает глаз» – так можно сказать? Или получается, что это «далеко-далеко» выложено разноцветными глазами? «Сколько хватает взгляда»? Тоже по-дурацки, лучше оставлю «глаза», кажется, так говорят.

Потом я вдруг очень устал и заснул крепко-крепко, без снов.

На следующий день всё хотелось открыть блокнот – правда ли, что я начал что-то такое, не приснилось? Но было совершенно некогда, я таскал его в кармане и открыть при других стеснялся.

Начались соревнования. Сам я играл хуже некуда, сразу вылетел. А в паре меня поставили со Степановым. Он единственный из всех, кто в паре не орёт на меня. Просто старается играть за двоих, молча.

А тут, когда мы проиграли первый сет на моих подачах, он подошёл ко мне близко-близко, зрачки у него сузились до точки, и сказал тихим шёпотом:

– Тимофей! Ты можешь сосредоточиться на игре? Только на игре! Ты же нормально играешь!

Никто мне раньше не говорил, что я играю нормально; я знаю, что слабый спортсмен. Но тут я и правда постарался ни о чём больше не думать, только о воланчике. Как он не должен коснуться пола.

И мы неожиданно выиграли. Конечно, просто потому, что Степанов играл, как термина-тор.

В общем, я думал, в первый же день вылету с соревнований. Но мы со Степановым в итоге вышли в полуфинал и заняли почётное четвёртое место. «Вот гадство», – сказал он и в раздевалке треснул кулаком о скамейку.

– Это из-за меня. Если бы ты с Крюком в паре играл или ещё с кем – был бы в призах, – сказал я.

– Нет. Я играл с тобой, и мы заняли четвёртое место. Я и ты поровну. И никаких если.

Он уже ночевал со мной в гостинице, и я даже немного пожалел: при нём блокнот не откроешь. А я, кажется, знал, что дальше. Потому что на улице, у самого входа в гостиницу, стояла большая картонная коробка, оклеенная скотчем. Её заносило снегом. Потом, наверное, кто-то забрал её. Я пропустил этот момент: отвернулся, а её уже нет. Довольно большая коробка.

В автобусе я сел со Степановым и думал: можно сказать, что он мой друг? Наверное, нет. Хорош друг: сказал не больше десятка слов, пока мы жили вместе. Но обычно с ним никто никогда не сидит. А тут мы рядом.

* * *

Вообще-то у меня есть друг. Хотя иногда мне кажется – я его выдумал. То есть это настоящий человек, он мог бы быть мне другом. А остальное я сочинил, да.

Однажды, ещё в первом классе, я заблудился в школе. Смотрел на одинаковые двери кабинетов и не знал, из какой я вышел. И так боялся попасть в чужой класс, что не мог заглянуть ни в одну дверь. Вот я зайду... А там чужие. И что я скажу?!

Так стоял и стоял, прямо не знал, что делать.

И тут появился высокий третьеклассник. То есть я потом узнал, что он на два года старше: тогда показалось, лет на десять.

– Потерялся? – спросил он.

И я сразу понял: не смеётся, а подошёл помочь. И помог.

Я потом часто встречал его, узнал имя: Захар. И он всегда мне кивал, как знакомому. Мне, младшему!

Я почему-то никак не решался с ним заговорить, даже сказать «привет». Просто иногда искал его глазами на перемене. И находил. И он мне улыбался и кивал, как знакомому.

Позже я понял: Захар не имя, а фамилия, он на самом деле Саша Захаров. И я с удовольствием находил эту фамилию в списках олимпиад: второе место по математике, третье по литературе.

У меня есть такое странное хобби: я читаю списки фамилий, все подряд. Мне нравятся чужие имена, особенно редкие. У нас в школе есть Вальтер и Луиза, Насыр и Калкаман. И фамилии: например, есть Заец (через «е»), Ангел, Ракита и Лермонтов. И так я через два года наткнулся на фамилию Захаров, в секции бадминтона. Брали туда с пятого класса.

И я, как только перешёл в пятый, записался тоже. Думал – вот мы наконец подружимся! Ведь седьмой и пятый – не такая разница, как первый и третий. Но Захара там не оказалось: он исчез. Перешёл в другую школу, наверное.

А когда я ещё был в третьем, у меня родился брат. Я так хотел, чтобы брат! И я ему придумал имя, и оно неожиданно всем понравилось. Хотя сейчас иногда думаю: родись он девочкой, жил бы с Леськой в комнате, а я один.

Сашу Захарова я больше не встречал и уже привык, что Захар – это мой брат, а не Саша. Но мне почему-то до сих пор кажется: тому Захару, например, я мог бы показать свой блокнот. А больше никому.

* * *

Однажды человек вышел из дома и увидел на снегу коробку. Это была обыкновенная картонная коробка, обмотанная скотчем. Совершенно непонятно, откуда она взялась. Вокруг нет никаких следов. Человек попробовал поднять коробку – тяжёлая, неудобно. Тогда он стал толкать её в сторону дома.

Он давно не был занят никакой физической работой и очень устал. Еле хватило сил, чтобы затащить коробку в дом.

«Что там?» – думал человек. И ещё думал: «Откуда она взялась?»

Он взял нож, чтобы вскрыть коробку, но потом отложил его.

Пока он не открыл коробку – там может быть всё, что угодно. А когда откроет – там только то, что есть, и ничего больше.

Он отряхнул снег с одежды и с коробки.

И подумал: «Вот, теперь нас двое. Коробка и я».

* * *

Когда вернулся домой после соревнований – тоже всё думал: где мне писать, когда? Хотелось писать дальше, я будто видел эту снежную картинку и боялся, что она исчезнет. Дома никак. В школе тоже никак. Ну, как я при всех открою свой девчоночий блокнот в шерстяной обложке? Леське, кстати, купил такой же, еле успел – из-за того, что нам в паре со Степановым надо было играть чуть не до конца соревнований, а я на это никак не рассчитывал! Леська, кстати, была довольна, как слон. Угодил, значит. Не перепутать бы теперь наши блокноты, я свой никому не показываю, храню в кармане или в рюкзаке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.